

Изображения новгородских святителей в «келье Иоанна» Владычной палаты в Великом Новгороде: время и обстоятельства появления*

© 2020

УДК 27-526.62(470.24)
ББК 85.14

Поступила в редакцию 21.10.2020

Интенсивная жизнь архиерейского дворцового комплекса в Новгородском кремле, на протяжении столетий изменявшая назначение и облик помещенного здания, построенного архиепископом Евфимием II, неизбежно оставляла свои следы и на его первоначальной фресковой декорации. К таким — на первый взгляд незначительным — новшествам следует отнести появление фигур единичных святых в «келье Иоанна»¹, возле фресковой композиции с изображением Софии Премудрости, исполненной в 1441 г. в северной нише восточной стены [Сарабьянов, 2008. С.127; Царевская, 2019. С.153]. Две из этих фигур были размещены на боковых откосах этой ниши, третья — располагалась правее, в простенке между двумя нишами [ил.1]. Эти изображения, дошедшие в разной степени полноты, неоднократно поновлялись (последний раз — в XIX в.) и, ввиду плохой сохранности первоначального слоя живописи, как и основная роспись ниши с образом Софии Премудрости, были раскрыты лишь до одного из промежуточных слоев записей. Голубой фон, характер орнаментации одежд, эмалево-разбеленное «живоподобное» личное, с розоватыми притенениями и контрастно-темным рисунком — свидетельствуют о принадлежности этого слоя живописи началу или первой половине XVIII в.

Из фигур на боковых откосах ниши лишь левая, сохранившаяся в полный рост, бесспорно идентифицируется как святитель Никита Новгородский (1097–1108/1109) [ил.2]. Она узнается по характерной иконографии — безбородому лику

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00045).

1 Помещение в северо-западной части здания Владычной палаты, на втором этаже, относившееся к частной части палаты, построенной архиепископом Евфимием II в 1433 г.

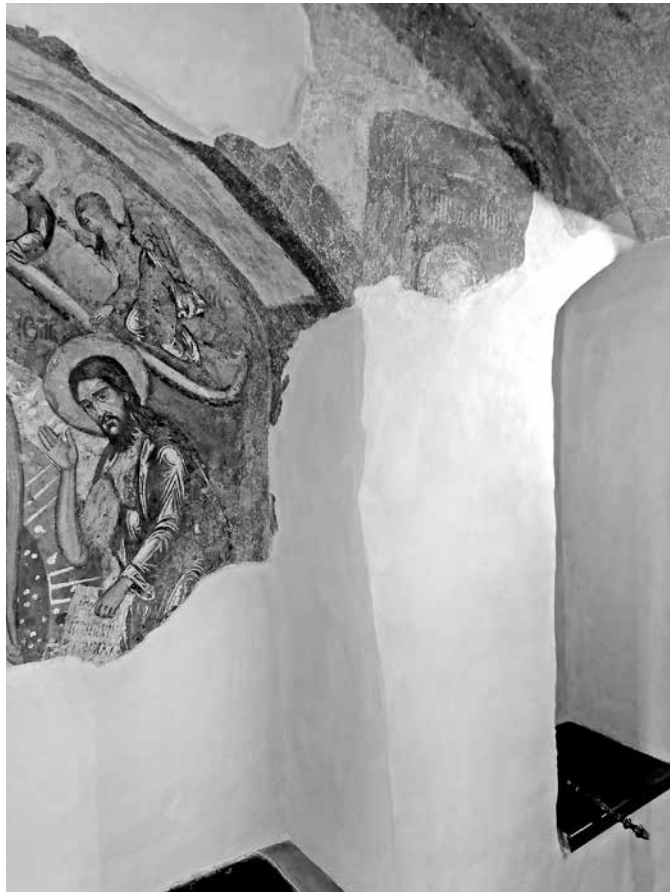
ил. 1 Ниша в восточной стене «кельи Иоанна». Владычная палата, Великий Новгород
fig. 1 Niche of the eastern wall in «John's cell». The Episcopical Chamber, Veliky Novgorod

и шапочке, плотно облегающей голову с длинными волосами, а также по надписи, исполненной бордово-красной краской и отчетливо читающейся над его головой — С[В] НИКИТА ЕПИСКОП². Святитель представлен в молитвенном предстоянии Божественной Премудрости. От фигуры на правом откосе ниши сохранился лишь еле различимый край нимба и не поддающиеся прочтению остатки позднейшей надписи, исполненной белилами [ил.3]. От третьего святого, который был изображен, как отмечалось, в простенке между двумя нишами восточной стены, уцелел фрагмент головы с нимбом на таком же сине-голубом фоне, с надписью белилами, на которой в позднейшем слое (XIX в.) значилось: ЕВФИМИЙ АРХИЕ[пископ], тогда как после раскрытия на нижележащем слое читается: ПРПБНЫЙ ЕВФИМИЙ ВЕ... При этом видно, что голова святого несколько смещена в сторону левой ниши, — следовательно, он был также представлен в трехчетвертном повороте к образу Софии Премудрости. О том, что голова была слегка склонена, свидетельствует рисунок уцелевшей графы, соответствующей изображению креста в лобной части клобука. Сама

2 Впервые идентифицирована В.Д. Сарабьяновым [Сарабьянов, 2008. С.130].

2

3

ил. 2 Святитель Никита Новгородский. Деталь росписи ниши в «келье Иоанна». XVI–XVIII вв. Владычная палата, Великий Новгород

fig. 2 St. Nicetas of Novgorod. Detail of the painting of the niche in "John's cell" 16th–18th centuries. The Episcopal Chamber, Veliky Novgorod

ил. 3 Деталь росписи восточной стены «кельи Иоанна». XVI–XVIII вв. Владычная палата, Великий Новгород

fig. 3 Detail of the painting on the eastern wall of "John's cell". 16th–18th centuries The Episcopal Chamber, Veliky Novgorod

фигура, очевидно, была крупнее святителей на откосах ниши, поскольку нимб расположен примерно на голову выше этих изображений, и, не исключено, что его изображение появилось, когда правая ниша уже была заложена.

В предварительной публикации, посвященной характеристике росписей «кельи Иоанна» по результатам реставрационных работ 2006–2007 гг., В.Д. Сарабьянов в датировке этих изображений исходил из того, что росписи обеих ниш восточной стены, включая откосы, как и роспись простенка между ними, появились одновременно, сразу после сооружения здания. Относительно изображения на левом откосе ниши автором было высказано мнение, что «если облик и иконография святого не были искажены записью XVII–XVIII вв., под которой частично сокрыта фреска, то перед нами древнейшее изображение епископа Никиты» [Сарабьянов, 2008. С.130–131]. Принимая во внимание предварительный характер наблюдения, когда состояние живописи позволяло говорить об этом лишь предположительно, а в последующих реставрационных отчетах, которые доступны к настоящему моменту, датировка росписей (как и описание процесса раскрытия данных участков) еще не получила окончательной формулировки, ее следует принять с осторожностью, лишь как одну из возможных. К этому добавим, что раскрытая на верхнем (дугобразном) откосе ниши первоначальная живописная расколеровка широкой желтой полосой и ее светлым окаймлением, по нашим наблюдениям, изначально продолжалась на боковых откосах. Однако позднее ввиду добавления новых фигур она была откорректирована в уровне пят горизонтальной белильной окраской и красными разгранками. Это наблюдение, а также реконструируемый состав святых и исторические реалии, о которых будет сказано далее, не исключают иной версии относительно времени и обстоятельств появления изображений, сопровождающих образ Софии Премудрости.

История почитания святителя Никиты Новгородского знает два периода. О том, что его еще издревле в Новгороде называли святым, свидетельствует летописная запись 1108/1109 г. о росписи храма Св. Софии «стяжанием святого владыкы» [НПЛ. С.19, 203]. Его «чтили со святыми» и согласно первому описанию жития Никиты (но еще не Жития в полном смысле) в Киево-Печерском патерике, содержащемся в послании инок Поликарпа «О святых и блаженных черноризцах Печерских» к Акиндину XIII в.³ Вполне вероятно, что вскоре после кончины святителя в Новгороде появилось и некое его изображение. Кажется, только этим можно объяснить очевидно выбивающуюся из своего времени иконографию образа свт. Никиты на покрове, изготовленном на его гроб между 1551 и 1558 гг. — предположительно, «неким царедворцем», которого идентифицируют как Ф.Д. Сыркова [Брюсова, 1966. С.44, 45; Сорокатый, 1994. С.108–109; Гордиенко, 2001. С.407] [ил.4].

Силуэт и пропорциональный строй фигуры с благословляющим жестом и Евангелием, короткая прическа и овал безбородого лица, характер расположения

³ Текст послания заканчивается словами: «И ныне со святыми чтут его, святого и блаженно-го Никиту» [Слово 25. О Никите-затворнике. 1997. С.392–397].

4

ил. 4 «Святитель Никита Новгородский». Покров на раку. 1550-е. НГОМЗ
fig. 4 St. Nicetas of Novgorod. Embroidered cover for the tomb. 1550s
Novgorod State Museum-Reserve

5

ил. 5 Св. Лазарь. Роспись восточного простенка светового пролета между алтарем и диаконником
Ок. 1118. Николо-Дворищенский собор, Великий Новгород
fig. 5 St. Lazarus. Fresco on the eastern slope of the light arch between the altar and the deacon
Ca. 1118. Nikolo-Dvorishchensky Cathedral, Veliky Novgorod

драпировок святительского облачения (в особенности — обрамление горловины и загиб передней кромки фелони, обнажающей благословляющую десницу), поразительно напоминают фресковые изображения святителей в простенках арочных пролетов между алтарем и боковыми апсидами в Софийском соборе, — те самые, что появились благодаря святителю Никите. Еще больше совпадений — почти буквальных — в архитектонике черт лица, разрезе глаз, рисунке ушных раковин, короткой прическе с тонзурой, или «гуменцом»⁴, — обнаруживается с образом св. Лазаря в алтарной росписи Николо-Дворищенского собора, около 1118 г. [ил. 5] Все это наводит на мысль о том, что прообразом для покровы Никиты стала фреска с изображением этого (либо другого, но принятого за свт. Никиту Новгородского) святителя, которая издревле могла находиться возле его погребения в приделе свв. Иоакима и Анны в Софийском соборе. Возможно, именно ее имела в виду Опись Новгорода 1617 г.: «В приделе ж церковь святых праведных богоотец Иоакима и Анны и чудотворца Никиты, а в ней божья милосердья <...> Образ Никиты епископа настенное письмо девяти пядей [около 160 см. — Т.Ц.], венец серебрян золочен басмен со вставками» [Янин, Быкова, 1984. С. 35; Лифшиц, 2004. С. 203]⁵. Несмотря на то что придел был увеличен к востоку и расписан в связи с предстоящим обретением мощей Никиты, к которому готовились загодя⁶, часть древней живописи — в частности, образ святителя — могла быть сохранена. Позволим допустить, что этот образ написали еще живописцы, прибывшие по призыву епископа Никиты для росписи сводов Софии в 1108/1109 г. [НПЛ, 1950. С. 19, 203; ПСРЛ. Т. 43. 2004. С. 63]. Начав работу сразу после кончины владыки, «стяжавшего» средства для их трудов, они могли запечатлеть его в приделе собора над каменным саркофагом, используя либо собственные впечатления (если работали в Новгороде и раньше, в Благовещенской церкви на Рюриковом городище), либо словесные описания его облика. Не исключена и другая версия: прообразом для покровы могла послужить фронтальная фигура какого-то безбородого архиерея (возможно, как раз Лазаря четверодневного), которая, как и в Никольском соборе [Царевская, 2004. С. 468–473], могла украшать световой или арочный пролет придела неподалеку от святительского погребения. Образ на покрове, очевидно, следовал этому изображению, сохраняя характерную условность. Помимо этого — все-таки лишь предполагаемого нами — изображения,

4 Хотя обычай выстригать гуменцо как внешний признак лиц духовного звания существовал в России до XVIII в. [Голубинский, 1901. С. 578–580], он находит отражение лишь в ранней (домонгольской) иконографии и практически не встречается в русском искусстве рассматриваемого времени.

5 Обычай украшать чтимые фресковые образы серебряными венцами и цатами характерен для позднего периода. Некоторые новгородские фрески, судя по старым фотографиям и описаниям, были дополнены подобными позднейшими «инсталляциями»: например, фреску «Христос Вседержитель» в нише справа от входа в Одностолпный зал Владычной палаты украшала, «сребропозлащенная риза» [Макарий, архим., 1857. С. 29–30].

6 Обретению мощей свт. Никиты предшествовал их осмотр в щель в 1551 г. «неким царедворцем» [Никольский, 1905. С. 3].

иных примеров иконографии Никиты до середины XVI в. неизвестно⁷. Имя этого епископа не значится и в перечне новгородских святителей, местная канонизация которых совершилась в 1439 г. при архиепископе Евфимии [Филарет, архиеп. Черниговский, 1863. С. 173], и хотя данное обстоятельство не исключало его местного почитания, представляется справедливым мнение Е.Е. Голубинского о том, что «более или менее задолго до половины XVI в. ... празднование ему [Никите. — Т.Ц.] как святому прекращалось в Новгороде» [Голубинский, 1903. С. 54–56]: согласно одному из описаний, в 1551 г. — т.е. уже после общецерковной канонизации святителя на Макарьевском соборе 1547 г. — его гроб еще считали гробом «неведомого архиерея», и пребывал он «в полном небрежении» [Никольский, 1905. С. 3]. Характерно, что о свт. Никите именно как о «новом новгородском чудотворце» упоминается на подсвечнике для негасимой свечи, поставленном к его гробу в 1558 г.⁸

Таким образом, фактическое обновление почитания епископа Никиты и более того — его расцвет — следует связывать с инициативой архиепископа Пимена, при котором в 1558 г. свершилось обретение нетленных мощей святителя [ПСРЛ. Т. 30. 1965. С. 183]. Причем акт этот оказался тесно связан не только с историей новгородской епархии, но и с текущими политическими событиями. Речь идет об успешном взятии Ругодива (Нарвы) в ходе Ливонской войны. Согласно сохранившемуся списку Минеи XVII в., свт. Никита явился во сне одному из новгородцев и самому архиепископу, чтобы те предприняли вскрытие его гробницы. После обретения мощей в сражении под Ругодивом произошло чудо: явление всадника, помогавшего русской армии, по описанию весьма похожего на новгородского епископа — безбородого и в святительских ризах [Калугин, 1894. С. 322–323].

По случаю чудесного открытия нетленных мощей архиепископ Пимен отправил митрополиту Макарию послание вместе со специально сделанным рисунком, которое позволило уточнить детали его облика и облачения: «... мы, Господине, милости ради святого послали тебе на бумаге образ святого Никиты епископа, да от риз святого 2 части... А с того, Господине, с образца вели на-

- 7 Датировка памятников, на которые ссылается В.Д. Сарабьянов как на произведения первой половины XVI в. [Сарабьянов, 2008. С. 132–133], впоследствии была уточнена, в результате чего они были сдвинуты к середине — второй половине XVI столетия. Обоснование датировки пелены с изображением свт. Никиты в молении перед круглым образом митрополита Петра Московского, ГИМ, 1550–1560-ми гг. — см.: [Петров, 2012. С. 255–257]; двух фрагментов шитья с фигурами свв. Никиты и Иоанна, НГОМЗ [Катасонова, 2010. С. 64–73]. Фреска Благовещенского собора Московского кремля, упоминаемая В.Д. Сарабьяновым, вслед за И.Я. Качаловой [Качалова, Маясова, Щенникова, 1990. Ил. 49] как образ свт. Никиты, в полной мере соответствует иконографии ростовского епископа Иакова [Мельник, 2004. С. 354]. Приношу искреннюю благодарность Л.А. Лепшиной, сотруднику хранительской службы Софийского собора, проинформировавшей меня о новых датировках этих произведений.
- 8 «Свеча Великого Новагорода всех православных крестьян поставлена новому новгородскому чудотворцу Никите в лето 7066 апреля в 30 при архиепископе Пимини» [Макарий, архим., 1860. Ч. II. С. 233].

писати икону образ святого. И вели, Господине, его писати без браны, чтобы было немножко власов на бране и на усе, чтобы едва знати власы бранные на теле седы, якоже бысть и при животе, тако и ныне обретется во гробе; таков аз и к тебе послал образец...» [Кондаков, 1931. Т. 2. С. 18, 19]⁹. Только после этого был установлен праздник обретения мощей святителя (30 апреля 1558 г.). В короткий промежуток времени, приблизительно в 1557–1565 гг., были написаны четыре произведения, повествующих о Никите, которые принадлежали известным писателям, агиографам и гимнографам того времени: игумену Хутынского монастыря Маркеллу Безбородому, Иоасафу, игумену Данилова монастыря, впоследствии Вологодскому архиепископу, псковичу Василию Варлааму и Зиновию Отенскому [Охотникова, 2017. С. 324].

По крайней мере, до конца августа 1558 г. была написана наместная икона «О тебе радуется...» для церкви Петра и Павла в Кожевниках¹⁰, на которой, как полагал В.М. Сорокатый, группу святителей слева от Иоанна Дамаскина возглавляет новоявленный чудотворец Никита с Евангелием в руках [Сорокатый, 1994. С. 117]; голову же его венчает шапка с круглым верхом¹¹ [ил. 6]. Между тем, несмотря на рисунок, приложенный к посланию Пимена, и упомянутое изображение на иконе для церкви Петра и Павла, иконография святого некоторое время была неустойчивой. В течение середины–второй половины XVI столетия преобладают образы молодого святителя либо с пышной копной светло-русых волос¹², либо — чаще — с плотными коротко стриженными и темными волосами на чуть оттянутом назад затылке, с зачесанными на лбу¹³ (тонзура при этом опускается, — по-видимому, как атрибут, связываемый с католическим обрядом). К редким относятся изображения свт. Никиты в белом клобуке¹⁴ — появление

- 9 См. полностью опубликованный текст послания в кн.: [Макарий (Веретенников), архим., 2007. С. 217–219; Макарий (Веретенников), архим., 1998. С. 19].
- 10 НГМ КП 2978 ДРЖ-34. Сведения о времени исполнения иконы содержит надпись, сделанная на ее обороте.
- 11 Шапка фигурирует среди описания мощей епископа при вскрытии. Она, вместе с фрагментом фелони посохом, была отправлена для «свидетельствования» их подлинности в Москву [Макарий, архим., 1860. Ч. 2. С. 312, 330, 336, 340]. О том, что эти предметы были подлинными, сообщал Н.В. Покровский [Покровский, 1914. Т. 1. С. 109, 114, 122, 123]; однако в реальности они являются произведениями XVI в.
- 12 Среди них — шитая пелена с изображением Никиты в молитвенном предстоянии Петру митрополиту в медальоне (ГИМ), изображение на иконе «Избранные святые» 1560 г. (ГТГ), или фигура на левом поле иконы «Богоматерь Знамение», второй половины XVI в. (НГМ КП 18779 ДРЖ-1082).
- 13 Например, образ свт. Никиты на новгородской хоругви 1562 г., на оборотной стороне которой рядом с изображением Явления ангела Пахомию новгородский святитель фигурирует в пару со св. Николой (Музеи Московского Кремля) [Маясова, 2004. Кат. 24. С. 134–135, ил. С. 135], а также на упомянутом фрагменте размонтированной в 1962–1964 гг. Плащаницы, середины — второй половины XVI в. (НГОМЗ), на иконе «Св. Никита епископ Новгородский» из Московского Кремля (ГРМ).
- 14 Например, на иконах второй половины XVI в. в собрании ГТГ [Антонова, Мнева, 1963. Т. 2. № 383. С. 38; Спаси и сохрани, 1993. Ил. 173] и в Музее Реклингхаузен [Haustein-Bartsch, 1995. S. 118]. Объяснение этого атрибута см.: [Сорокатый, 1994. С. 118].

6

8

9

7

ил. 6 Св. Никита Новгородский. Деталь иконы «О Тебе радуется...» из церкви Апостолов Петра и Павла в Кожевниках. 1558. НГОМЗ

fig. 6 St. Nicetas of Novgorod. Detail of the icon *Rejoices in Thee ...* from the Church of the Apostles Peter and Paul in Kozhevniki, 1558. Novgorod State Museum-Reserve

ил. 7 Избранные святые. Икона из церкви Бориса и Глеба в Плотниках. Великий Новгород, 1560. ГТГ

fig. 7 Selected Saints. Icon from the Church of Boris and Gleb in Plotniki Veliky Novgorod, 1560. State Tretyakov Gallery

ил. 8 София Премудрость Божия с избранными святыми. Шитая пелена. Великий Новгород, 1550–1560-е. ВГИАХМЗ

fig. 8 Sophia the Divine Wisdom with Selected Saints. Embroidered shroud Veliky Novgorod, 1550–1560s. Vologda State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve

ил. 9 Панагия архиепископа Пимена. Около 1560. НГОМЗ

fig. 9 Panagia of Archbishop Pimen. Ca. 1560. Novgorod State Museum-Reserve

этого атрибута не в последнюю очередь связано с получившей распространение во второй половине XVI в. «Повестью о белом клобуке» [Кириллин, 2003. С. 32–34]. Архиерейская шапка как атрибут иконографии свт. Никиты помимо упомянутой иконы «О Тебе радуется...» из церкви в Кожевниках известна также по его изображению на епитрахили середины — второй половины XVI в. (Музеи Московского Кремля) [Маясова, 2004. Кат. 66. С. 224–227, ил. С. 225]. Однако устойчивым элементом, как будет показано далее¹⁵, она становится лишь со второй четверти — середины XVII в. Неизменным же признаком во все времена является отсутствие бороды: «подобием... стар, без брады, лицо морщиновато» [Иконописный подлинник, 1873. С. 68, примеч. 1; Сводный иконописный подлинник, 1874. С. 262].

Таким образом, иконографическая традиция изображения святителя Никиты, по сути, прослеживается лишь в общецерковный период его почитания — с середины XVI в., проходя в дальнейшем неоднозначное становление. Это означает, что изображение в «келье Иоанна» едва ли правомерно относить к ранней декорации палаты, т.е. к 1441 г. На вопрос, когда же именно эта часть росписи появилась, на наш взгляд, с большой долей вероятности можно ответить, определив, кто был представлен святителю в пандан. И хотя для того, чтобы прочесть имя возле нимба утраченной фигуры на противоположном откосе ниши, сохранившейся части надписи явно недостаточно, установить это можно почти наверняка: как известно, самую устойчивую пару святителю Никите в произведениях живописи, лицевого шитья и прикладного искусства новгородского происхождения составлял Иоанн, новгородский архиепископ [Сорокатый, 1994. С. 112; Он же, 2000. С. 192].

Дата и обстоятельства канонизации этого святителя, занимавшего новгородскую владычную кафедру в 1162–1186 гг., фиксируются четко и однозначно: его официальное почитание утверждается на местном уровне в 1439 г. архиепископом Евфимием. Прославление его сопровождалось обретением мощей, учреждением дня празднования памяти святого 4 октября¹⁶ и составлением его Жития (автор — Пахомий Серб) [Печников, С. 189–204]¹⁷. Несомненно, к этому событию должны были подготовить некий образец, закрепляющий иконографию его облика. Во всяком случае, архиепископ Иоанн фигурирует с нимбом и в крестчатой фелони на всех ранних иконах «Битва Новгородцев с Суздальцами», появляющихся в середине — второй половине XV в., а также

¹⁵ См. продолжение в следующем выпуске.

¹⁶ Под 1439 г.: «Того же лета обретено бысть тело архиепископа Иоана, при коем быле суздальце под Новым городом» [НПЛ. С. 420; ср.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 436; Т. 30. С. 199]. Вместе с тем есть основания полагать, что местное почитание архиепископа Илии-Иоанна сложилось намного раньше: в «Слове о знаменнии Святыя Богородица» около середины XIV в. Иоанн характеризуется как «святой... архиепископ» [Слово о знаменнии Святыя Богородица. С. 448].

¹⁷ К этому следует добавить и составленное Пахомием Сербом «Сказание о чуде от иконы Знамение», в котором архиепископ Иоанн является самым значимым действующим лицом [Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. С. 347–351].

на двухсторонней иконе-таблетке первой половины XVI в. (ГЭ) [Косцова, 1992. Кат. 3. С. 304–305]. В крестчатой ризе и епископской шапке Иоанн изображен и на шитой катапетазме, вложенной в 1556 г. Иваном IV в Хиландарский монастырь на Афоне [Иконы Твери, Новгорода, Пскова, 2000. Кат. 44. С. 192]. Однако все «персональные» образы святого, которые фактически исчисляются со времени установления общецерковной канонизации на Соборе в 1547 г. [ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 619; Голубинский, 1903. С. 100, 102], отражают его облик в погребальных схимнических одеяниях [Сорокатый, 1994. С. 113]¹⁸. Причем, если в ранней (до 1547 г.) иконографии Иоанн предстает с удлиненной и чуть заостренной бородой, то в обновленном «персональном» варианте его борода пишется по подобию Сергия Радонежского (скругленной на конце).

Образцами этой обновленной иконографии, по-видимому, стали произведения, которые были созданы непосредственно для погребения святителя в каменном теремце, который в 1547 г. «над гробом чудотворцовым доспел» архиепископ Феодосий. Там он, согласно летописи, «чудотворца Иоанна написал, да и серебром всю икону обложил, да и позолотил, да и гривны золотые и серебряны к образу чудотворцову приложил... у гроба чудотворца свещу негасимую поставил» [Новгородские летописи. 1879. С. 68; ср.: С. 77, 145; Кондаков, Т. 2. Текст. Ч. 2. Прага, 1933. С. 299. Ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 149]. Вероятно, именно с того времени мантия со скрижалями и парамант, в которых лежал в гробу Иоанн, входят в число обязательных атрибутов его иконографии. Год спустя на раке архиепископа появился покров, который сшила княгиня Ксения, супруга Ивана Михайловича Шуйского¹⁹, а вскоре — в 1559 г. — на ту же раку была изготовлена резная крышка со знаменитым изображением святителя (ГРМ) [Плешанова, 1975. С. 275–281]. На эти произведения, по-видимому, был ориентирован и образ на шитой пелене из костромского Ипатьевского монастыря (ГММК)²⁰. С тех пор данная иконография Иоанна Новгородского обретает статус канонической.

Предпринятый нами экскурс в историю почитания и иконографии святителей Никиты и Иоанна подводит к тому, что к моменту первоначальной росписи палаты (около 1441 г.) каждый из архиереев уже имел свою традицию прославления в Новгороде. Однако почитание этих святителей во времена архиепископа Евфимия II было явно неравнозначным: бесспорным для Иоанна, для Никиты же — вероятно, пребывавшим в упадке. Соответственно, едва ли правомерно относить их изображение «en pendant» в «келье Иоанна» к первому периоду декорации этого помещения. Совместно эти святители впервые

¹⁸ В иконописных подлинниках конца XVI в. под 7 сентября содержатся следующие описания облика Иоанна: «Иван сед, брада сергиева, испод вохра» [Иконописный подлинник, 1873. С. 17; Маханько, 2010. С. 189–204].

¹⁹ Сообщение об этом содержится в Синодике новгородского Софийского собора середины XVI в. [Макарий, архим., 1860. Ч. II. С. 312].

²⁰ Н.А. Маясова датировала это произведение началом XVI в. [Маясова, 2004. Кат. 12. С. 104–105, ил. С. 105], однако А.С. Петров пересмотрел эту датировку, приведя убедительные, на наш взгляд, аргументы в пользу ее исполнения не ранее середины XVI в. [Петров, 2012. Вып. 21. С. 255–257].

появляются только после их общецерковной (макарьевской) канонизации, а точнее — после обретения мощей Никиты, т.е. после 1558 г., чему, несомненно, были свои идеологические и внутривластные причины.

Самое раннее датированное парное изображение новгородских святителей Никиты и Иоанна сохранилось на иконе, исполненной в 1560 г. для церкви Бориса и Глеба в Плотниках по заказу прихожан Конюховой и Запольской улиц (ГТГ), где оба святителя фигурируют бок-о-бок в составе избранных святых, будучи представлены в рост наряду со свв. Николаем и Александром Свирским [Антонова, Мнева, 1963. Т. 2. Кат. 266. С. 26, 27. Ил. 7] [ил. 7]. Примерно около того же времени они представлены рядом на вологодской шитой пелене «София Премудрость Божия с избранными святыми», новгородского происхождения [Силкин, 2005. С. 65–74; Петров, 2008. С. 142–143. Кат. 45; Катасонова, 2010. С. 79–80] [ил. 8]. В аналогичном составе, «на равных» среди избранных святых, окружающих образ Софии Премудрости, Никита и Иоанн, а также — что для нас далее будет важно, архиепископ Евфимий, — появляются и на панагии архиепископа Пимена (НГОМЗ) [Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода, 2008. Кат. 150. С. 419–422] ²¹ [ил. 9]. Заметим, что роспись ниши в «келье Иоанна» перекликается с этими произведениями, являя, по сути, сокращенный вариант их состава. Программный смысл этих произведений раскрывается через послание Пимена, доставленное в 1563 г. царю в расположение русской армии перед взятием Полоцка. Благословляя боевые действия Ивана Васильевича, он отправил ему образ Софии Премудрости Божией со святой водой для освящения, а среди небесных покровителей государя и его семьи назвал «новоявленных чудотворцев» Никиту и Иоанна [ПСРЛ. Т. 13. С. 350–353; Дополнения к Актам. Т. 1. № 302. С. 551]. Особенно важно подчеркнуть, что, опираясь на существующие традиции книжности, новгородский архипастырь призвал царя «в нынешнем... царском подвиге... низложити враги креста Христова... и христианских врагов иконоборцев, богоотступных Латын и поганых Немец и Люторския прелести еретиков». Предстоящее сражение, по его мысли, велось «за православную христианскую веру Греческого закона» [ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 351–352], и в этой борьбе знаменем истинной веры вновь, как во времена противостояния Флорентийской унии и появления в качестве ответа на нее в нише «кельи Иоанна» фрески «София Премудрость Божия» [Царевская, 2019. С. 151–170], стал этот знаменательный для Новгорода образ. Сопровождающие его и предстоящие ему новгородские чудотворцы, чьи мощи покоятся в храме Святой Софии, выступали, вместе с другими святыми Русской земли, гарантами незыблемости православия, явленными из седой древности. Каждый из них к тому же в своем Житии либо среди посмертных чудес был прославлен и как помощник в ратном подвиге: Иоанн — в битве с суздальцами, Никита — в сражении у Ругодива, где он явился как святой всадник. В своих посланиях и благодарениях после похода царь в числе первых святых, вслед за москов-

21 Согласно надписи на обороте, в панагию вложены, среди прочих, и частицы мощей «Никиты епископа, Ивана архиепископа, Евфимия архиепископа...».

скими митрополитами Петром, Алексеем и Ионой, называет «новгородских чудотворцев» Никиту, Иоанна, Евфимия и Иону [ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 360].

Обращение к древним традициям обрело для Московии, таким образом, программное значение, и наиболее актуальным для появления во Владычной палате, с ее старинным образом Софии Премудрости, изображений Никиты и (несомненно!) Иоанна, с большой долей вероятности можно полагать период 1558–1563 гг., когда фактически устанавливается равнозначное и даже совместное почитание этих святителей и когда владыка Пимен составляет означенную идеологему благословения Ивана Грозного на борьбу с латинянами.

Окончание в следующем номере.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации. В 2 т. М.: Искусство, 1963. Т. 2. 570 с., 88 л. ил.
- Брюсова В.Г. Страница из истории Софийского собора Новгорода // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 42–46.
- Голубинский Е. История Русской церкви. Т. I: Период первый, киевский, или домонгольский. Первая половина тома. М.: Университетская тип., Страстной бульв., 1901. III–XXIV, 968 с.
- Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М.: Университетская тип., Страстной бульв., 1903. 600 с.
- Гордиенко Э.А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 466 с.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XVI–XVII веков / Под ред. И.А. Стерлиговой. М.: Северный паломник, 2008. 912 с.
- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. В 12 т. Т. 1. СПб., 1846.
- Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века: С вариантами из списков Забелина и Филимонова / Изд. Г.Д. Филимонова. М., 1873.
- Иконы Твери, Новгорода, Пскова XV–XVI вв. / Под ред. Л.М. Евсеевой, В.М. Сорокато-го. М.: Индрик, 2000. 416 с.
- Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительские произведения. СПб., 1894. 364 с.
- Катасонова Е.Ю. Группа памятников новгородского шитья конца 1540–1560-х гг. // Убрус. № 13–14. СПб., 2010. С. 64–80.
- Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. М.: Искусство, 1990. 384 с.
- Кириллин В.М. Время возникновения краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке» и ее общественное значение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (14). 2003. С. 32–34.
- Кондаков Н.П. Русская икона. Т. 2. Текст. Прага, ч. 1 (1931) 183 с., ч. 2 (1933). 417 с.
- Косцова А.С. Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. Иконопись, книжная миниатюра и орнаментика. XIII — начало XVI века. СПб.: Искусство-СПб, 1992. 486 с.

Лифшиц Л.И. Собор Св. Софии. Конец XI — начало XII в.; 1109 г. // *Лифшиц Л.И., Сарабьянов В.Д., Царевская Т.Ю.* Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 183–405.

Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М.: Тип. В. Готье, 1860. В 2 т. 654 с.

Макарий, архим. Описание Новгородского архиерейского дома. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1857. 148 с.

Макарий (Веретенников), архим. Святитель Макарий митрополит Московский и архиеп-реи его времени. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 526 с.

Макарий (Веретенников), архим. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // *Русская художественная культура XV–XVII веков.* ГИКМЗ «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. XI. М., 1998. С. 3–22.

Маханько М.А. Иоанн. Иконография // ПЭ. Т. 23. 2010. С. 189–204.

Маясова Н.А. Древнерусское лицезовое шитье. Каталог. М.: Музеи Московского Кремля; Красная площадь, 2004. 492 с.

Мельник А.Г. Ростовские и московские святые: эволюция иконографии в XVI–XVII вв. // *История и культура Ростовской земли.* Материалы конф. 2003 г. Ростов, 2004. С. 354–365.

Никольский А.Н. Сказание об обретении мощей святителя Никиты новгородского чудотворца // *Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.* Т. 10, кн. 2. СПб., 1905. С. 1–17.

НПЛ старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. 642 с.

Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Археогр. комисс., 1879. XXIV, 448, 115 с.

Охотникова В.И. Цикл произведений о святом новгородском епископе Никите // *Труды отдела древнерусской литературы.* Т. 65. СПб., 2017. С. 311–325.

Петров А.С. Древнерусские шитые пелены под иконы. XV–XVI вв. Типология, функция, иконография. Дис. ... канд. искусствовед. М., 2008. 177 с.

Петров А.С. Группа памятников новгородского шитья середины XVI века. К вопросу об атрибуции вышивок «мастерской Настасьи Овиновой» // *Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».* Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 21. С. 255–257.

Печников М.В. Иоанн // ПЭ. Т. 23. 2010. С. 189–204.

Плешанова И.И. Резные фигуры старцев в собрании Государственного Русского музея // ПКНО. 1974. М., 1975. С. 275–281.

Покровский Н.В. Древняя ризница Новгородского Софийского собора // *Труды XV Археологического съезда в Новгороде.* 1911. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. Т. 1. С. 1–124.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

ПСРЛ. Т. 13: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.

ПСРЛ. Т. 43: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского / Подг. текста О.Л. Новиковой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Сарабьянов В.Д. Росписи Владычной Палаты Новгородского Кремля: Келья Иоанна. Предварительные заметки по результатам реставрационных работ в 2006–2007 годах // *Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация.* Вып. 3. Великий Новгород, 2008. С. 119–139.

Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Филимонова. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1874.

Силкин А.В. Пелена «София Премудрость Божия» из собрания Вологодского музея-заповедника. К вопросу атрибуции и датировки // VI Грабаревские чтения: доклады, сообщения. М., 2005. С. 65–74.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. 528 с.

Слово 25. О Никите-затворнике, который потом был епископом Новгорода. Киево-Печерский патерик // *Библиотека литературы Древней Руси.* Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 392–397.

Слово о знамении Святыя Богородица в лето 6677-е // *Библиотека литературы Древней Руси.* Т. 6: XIV — середина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 444–449.

Сорокатый В.М. Иконография Никиты и Иоанна Новгородских в XVI в. и взгляды Н.П. Кондакова на происхождение икон русских святых // *Программа «Храм».* Сб. материалов (ноябрь 1993 — июнь 1994). Вып. 5. «Охраняется государством»: III Российская науч.-практ. конф., ч. 2. С. 105–123.

Спаси и сохрани. М.: Панорама, 1993. 317 с.

Трифопова А.Н. Великий Новгород в XX веке. М.: Северный паломник, 2009. 390 с.

Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые, чтимые всею Церковью или местночтимые. 2-е изд. Кн. 1. Чернигов, 1863. 24 с.

Царевская Т.Ю. Николо-Дворищенский собор. Около 1118 г. (?) // *Лифшиц Л.И., Сарабьянов В.Д., Царевская Т.Ю.* Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 429–529.

Царевская Т.Ю. Ранний вариант новгородской иконографии Софии Премудрости Божией и обстоятельства его появления // *Зограф* 43. Београд, 2019. С. 151–170.

Янин В.Л., Бычкова М.Е. Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. [Памятники отечественной истории: вып. 3]. М., 1984. 173 с.

Haustein-Bartsch E. Ikonen-Museum Recklinghausen. München, 1995. 136 s.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Изображения новгородских святителей в «келье Иоанна» Владычной палаты в Великом Новгороде: время и обстоятельства появления

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Царевская Татьяна Юрьевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. tsarturie@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается реконструкция состава парного изображения новгородских святителей — Никиты и Иоанна на откосах ниши с композицией «София Премудрость Божия» в «келье Иоанна» Владычной палаты Новгородского кремля, уточняются время и обстоятельства сложения данной иконографической формулы. Программный смысл этих изображений раскрывается через послание новгородского архиепископа Пимена, доставленное в 1563 г. царю Ивану Васильевичу IV в расположение русской армии перед взятием Полоцка. Опираясь на существующие традиции книжности, новгородский архипастырь призвал царя низложить еретиков-латинян и иконоборцев-лютеран. Предстоящее сражение, по его мысли, велось за православную веру «Греческого закона», и в этой борьбе знаменем истинной веры выступал знаменательный для Новгорода образ Софии Премудрости Божия. Сопровождающие его новгородские чудотворцы, чьи мощи покоятся в храме Святой Софии, выступали гарантами незыблемости православия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Монументальная живопись, фреска, святитель Никита Новгородский, святитель Иоанн Новгородский, Владычная палата, иконография, Великий Новгород, древнерусское искусство, реставрация.

TITLE

Images of Novgorod Saints in the “John’s Cell” of the Episcopal Chamber in Veliky Novgorod: The Time and Circumstances of Their Appearance

AUTHOR

Tsarevskaya Tatiana Iurievna — Full Doctor, Leading researcher, State Institute for Art Studies, Kozitsky pereulok, 5, Moscow, Russian Federation, 125009; senior researcher, Saint Petersburg state University, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034. tsarturie@yahoo.com

ABSTRACT

The article clarifies the choice of a pair of Novgorod Holy bishops — Nicetas and John, — depicted on the slopes of the niche with the fresco *Sophia, the Wisdom of God* in “John’s cell” in the Bishop’s (Vlavychnaya) chamber of the Novgorod Kremlin. The time and circumstances of the addition of this iconographic formula are specified. The programmatic meaning of these images is revealed through a message from Archbishop Pimen of Novgorod, delivered in 1563 to Tsar Ivan Vasilyevich IV in the location of the Russian army before the capture of Polotsk. Relying on the traditions of bookishness, the Novgorod archpastor called on the tsar to depose Roman Catholics the heretics and Lutherans the iconoclasts. The upcoming battle, in his opinion, was fought for the Orthodox faith of the “Greek Law”, and in this struggle the icon of Sophia, the Wisdom of God, significant for Novgorod, was the banner of true faith. The Novgorod Holy Bishops who accompanied it as miracle-workers and whose relics rest in the of St. Sophia Cathedral, acted as guarantors of the inviolability of Orthodoxy.

KEYWORDS

Monumental painting, fresco, St Nicetas of Novgorod, St Ioann (John) of Novgorod, The Episcopal Chamber (Chamber of Facets), iconography, Veliky Novgorod, Old Russian art, restoration.

REFERENCES

- Briusova V.G. A Page from the History of St. Sophia Cathedral of Novgorod. *Kul'tura drevnei Rusi (Culture of Old Russia)*. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp.42–46 (in Russian).
- Evseeva L.M., Sorokatyi V.M. (eds.) *Ikony Tveri, Novgoroda, Pskova XV–XVI vv. (Icons of Tver, Novgorod, Pskov 14th–16th centuries)*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 416 p. (in Russian).
- Filaret, arkhiep. Chernigovskii. *Russkie sviatye, chtimye vseiu Tserkov'iu ili mestnochtimye (Russian Saints Venerated by the Whole Church or Locally Venerated)*, vol.1, Chernigov, 1863. 24 p. (in Russian).
- Golubinskii E.E. *Istoriia kanonizatsii sviatyykh v russkoi tserkvi (The History of the Canonization of Saints in the Russian Church)*. Moscow, Universitetskaia tipografiia, Strastnoi bul'var Publ., 1903. 600 p. (in Russian).
- Golubinskii E. *Istoriia Russkoi tserkvi. Vol.1: Period pervyi, kievskii, ili domongol'skii. Pervaia polovina toma (History of the Russian Church, vol. I: The First Kiev or Pre-Mongol*

Period. First half of the Volume). Moscow, Universitetskaia tipografiia, Strastnoi bul'var Publ., 1901. 968 p. (in Russian).

- Gordienko E.A. *Novgorod v XVI veke i ego dukhovnia zhizn' (Novgorod in the 16th Century and its Spiritual Life)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ, 2001. 466 p. (in Russian).
- Hausein-Bartsch E. *Ikonen-Museum Recklinghausen*. München, 1995. 136 p. (in German).
- Ianin V.L., Bychkova M.E. *Opis' Novgoroda 1617 g. Vol. 1. [Pamiatniki otechestvennoi istorii: no. 3] (Inventory of Novgorod 1617, vol. 1: Monuments of Russian History)*. Moscow, 1984. 173 p. (in Russian).
- Kachalova I.Ja., Maiasova N.A., Shchennikova L.A. *Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremlia (Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 384 p. (in Russian).
- Katasonova E. Ju. A Group of Monuments of Novgorod Sewing of the Late 1540s — 1560s. *Ubrus (Ubrus)*, no.13–14. Saint Petersburg, 2010, pp.64–80 (in Russian).
- Kostsova A.S. *Drevnerusskaia zhivopis' v sobranii Ermitazha. Ikonopis', knizhnaia miniatiura i ornamentika. XIII — nachalo XVI veka (Old Russian Painting in the Hermitage Collection. Icon Painting, Book Miniatures and Ornamentation. 13th — early 16th century)*. Saint Petersburg, Iskusstvo-Saint Petersburg Publ., 1992. 486 p. (in Russian).
- Lifshits L.I. St. Sophia Cathedral. End of 11th — beginning of 12th cent.; 1109. *Lifshits L.I., Sarab'ianov V.D., Tsarevskaya T.Iu. Monumental'naia zhivopis' Velikogo Novgoroda. Konets XI — pervaya chetvert' XII veka (Monumental Painting of Veliky Novgorod. The End of the 11th — the first quarter of the 12th century)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp.183–405 (in Russian).
- Makarii, arhim. *Arheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostiakh (Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and its Environs)*. Moscow, Tipografiia V. Got'e Publ., 1860. Vol.1, 2. 654 p. (in Russian).
- Makarii, arhim. *Opisanie Novgorodskogo archiereiskogo doma (Description of the Novgorod Bishop's House)*. Saint Petersburg, Tipografiia Je. Veimara Publ., 1857. 148 p. (in Russian).
- Maiasova N.A. *Drevnerusskoe litsevoe shit'e. Katalog (Old Russian Embroidery. Catalog)*. Moscow, Muzei Moskovskogo Kremlia, Krasnaia ploshchad' Publ., 2004. 492 p. (in Russian).
- Makarii (Veretennikov), arhim. *Sviatitel' Makarii mitropolit Moskovskii i arkhierei ego vremeni (Saint Macarius Metropolitan of Moscow and Bishops of his Time)*. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja Publ., 2007. 526 p. (in Russian).
- Nasonov A.N. (ed.) *Novgorodskaia pervaiia letopis' starshhego i mladshhego izvodov (The First Novgorod Chronicle of the Senior and Junior Edition)*. Moscow; Leningrad, 1950. 642 p. (in Russian).
- Nikol'skii A.N. Legend of the Discovery of the Relics of St. Nikita the Miracle Worker of Novgorod. *Izvestiia otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk (Bulletin of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences)*. Vol.10, kn.2. Saint Petersburg, 1905, pp.1–17 (in Russian).
- Okhotnikova V.I. Series of Works about the Saint Novgorod Bishop Nikita. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury (Proceedings of the Department of Old Russian Literature)*. Vol. 65. Saint Petersburg, 2017, pp. 311–325 (in Russian).
- Petrov A.S. A Group of Monuments of Novgorodian Embroidery of the Middle of the 16th Century. On the Issue of Attribution of Embroideries by “Nastasya Ovinova’s Workshop”. *Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik “Moskovskii Kremli” . Materialy i issledovaniia (State Historical and Cultural Museum-Reserve “Moscow Kremlin”. Materials and Research)*. Moscow, 2012, no. 21, pp. 255–257 (in Russian).
- Pleshanova I.I. Carved Figures of Elders in the Collection of the State Russian Museum. *Pamiatniki kul'tury. Novee onkrytiia 1974 (Culture Monuments. New Discoveries 1974)*. Moscow, 1975, pp.275–281 (in Russian).

- Pokrovskii N.V. The Ancient Sacristy of the Novgorod Sophia Cathedral. *Trudy XV Arheologicheskogo s'ezda v Novgorode, 1911 (Proceedings of the 15th Archaeological Congress in Novgorod, 1911)*. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1914, vol. 1, pp. 1–124 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Niconocskaia Letopis' (The Complete Collection of Russian Chronicles. Nikon Chronicle)*, vol. 13. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 544 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Novgorodskaia Chetvertaia Letopis' (The Complete Collection of Russian Chronicles. Novgorod Fourth Chronicle)*, vol. 4. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 728 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Novgorodskaia Letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo (The Complete Collection of Russian Chronicles. Novgorod Chronicle according to P.P. Dubrovsky's Copy)*, vol. 43. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004, 368 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vladimirskii letopiset. Novgorodskaia Vtoraia letopis' (The Complete Collection of Russian Chronicles. Vladimir Chronicle. Novgorod Second Chronicle)*, vol. 30. Moscow, Nauka Publ., 1965, 240 p. (in Russian).
- Sarab'ianov V.D. Painting of the Vladychnaya Chamber of the Novgorod Kremlin: John's Cell. Preliminary Notes on the Results of Restoration Work in 2006–2007. *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Iskusstvo i restavratsiia (Novgorod and Novgorod Land: Art and Restoration)*, no. 3. Velikii Novgorod, 2008, pp. 119–139 (in Russian).
- Silkin A.V. Shroud "Sophia the Wisdom of God" from the Vologda Museum-Reserve Collection. On Attribution and Dating. *VI Grabarevskie chteniia: doklady, soobshcheniia (6th Grabar Readings: Reports, Messages)*. Moscow, 2005, pp. 65–74 (in Russian).
- Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. no. 2: (vtoraia polovina XIV–XVI v.). Ch. 2: L–la (Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Russia, no. 2: (Second half of 14th – 16th century). Part 2: L – Ya)*. Leningrad, Nauka Publ., 1989, 528 p. (in Russian).
- Sorokatyi V.M. Iconography of Niketas and John of Novgorod in the 16th century and the Views of N.P. Kondakov on the Origin of the Icons of Russian Saints. *Programma Khram. Sbornik materialov (noiabr' 1993 – iun' 1994). no. 5 "Okhraniatsia gosudarstvom" III Rossiiskaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia, part. 2 (Temple Program. Collection of Materials (November 1993 – June 1994), no. 5 "Protected by the State" 3rd Russian Scientific and Practical Conference, part. 2)*, pp. 105–123 (in Russian).
- Sterligova I.A. (ed.) Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Hudozhestvennyi metall XVI–XVII vekov (Decorative and Applied Art of Veliky Novgorod. Artistic Metal of the 16th–17th centuries). Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2008, 912 p. (in Russian).
- Tsarevskaia T. Iu. Nikolo-Dvorishchensky Cathedral. Around 1118 (?) *Lifshits L.I., Sarab'ianov V.D., Tsarevskaia T. Iu. Monumental'naia zhivopis' Velikogo Novgoroda. Konets XI – pervaiia chetvert' XII veka (Lifshits L.I., Sarab'ianov V.D., Tsarevskaia T. Iu. Monumental painting of Veliky Novgorod. Late 11th – first quarter of the 12th century)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 429–529 (in Russian).
- Tsarevskaia T. Iu. An Early Version of the Novgorod Iconography of Sophia, the Wisdom of God, and the Circumstances of its Appearance. *Zograf*, no. 43. Beograd, 2019, pp. 151–170 (in Russian).
- Word 25. About Nikita the Recluse, who Later Became the Bishop of Novgorod. *Kiev-Pechersk Patericon. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Vol. 4: XII vek (Library of Old Russian Literature. Vol. 4: 12th century)*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 392–397 (in Russian).
- Word about the Sign of the Holy Mother of God in the Summer of 6677. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Vol. 6: XIV – seredina XV veka (Library of Old Russian Literature. Vol. 6: 14th – mid-15th century)*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 444–449 (in Russian).

О времени постройки первого каменного собора Алексеевского Зачатьевского монастыря: опыт автокоррекции*

© 2020

УДК 726.5.03(470-25)
ББК 85.11

Поступила в редакцию 08.10.2020

Задача статьи — уточнить атрибуцию и датирование остатков каменного собора («храм II»), рассмотрев в связи с этим особенности методики отождествления объектов, упомянутых в письменных источниках, с обнаруживаемыми при раскопках.

Монастырь на Остоженке (при основании Алексеевский, а с 1585 г. Зачатьевский) в 2003–2010-х гг. археологически подробно изучен, по крайней мере в его центральной части. Результаты отражены в ряде публикаций, что избавляет нас от необходимости представлять их общую картину¹. В 2004–2007 гг. здесь были открыты фундаменты сложно устроенного соборного комплекса, древнейшим ядром которого предстал т.н. Храм II. Мы отнесли его к середине 1580-х гг., то есть к моменту составления Зачатьевского монастыря царем Федором Иоанновичем и царицей Ириной Годуновой². Эта атрибуция была внесена нами во многие фундаментальные издания, включая «Православную энциклопедию». Однако в последнем общем обзоре истории монастыря дата постройки собора перемещена более чем на пол века ранее [Беляев, 2019. С. 5–59] и связана с известным списком из 11 или 12 церквей (в летописях под 1514 г.), возможно, отражающим программу церковного строительства

* Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение».

- 1 Наиболее подробно вопросы общей истории монастыря, источники и литература до середины 2000-х гг. см.: [Иулиания (Каледа), игум., Баталов, Беляев, 2008. С. 715–728].
- 2 В ходе раскопок эти фундаменты априорно воспринимались как построенные в 1580-х гг. См. [Елкина, 2008а. С. 394–404]. С поступлением новых данных, мы с И.И. Елкиной сдвинули дату к 1510-м гг. Но опубликованные в ее статье описания полностью сохраняют достоверность. Ср.: [Елкина, 2008а. С. 394–404] и [Беляев, Елкина, 2015. С. 416–452].